

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ Н. В. ГЕРБЕЛЕМ ФРАГМЕНТА «ЭПИТАЛАМЫ» ЭДМУНДА СПЕНСЕРА¹

Аннотация. В статье осмыслены обстоятельства появления первого перевода фрагмента знаменитого стихотворения Эдмунда Спенсера «Эпиталама» (1595), выполненного в 1874 г. Н. В. Гербелем. Авторы статьи приходят к выводу, что неполноценное отображение ритмико-звуковых и художественно-образительных приемов автора «Эпиталамы» в русской интерпретации не позволяет увидеть творческое новаторство Спенсера. Однако перевод Гербеля появился в историческую эпоху, когда не были сформулированы теоретические основы художественного перевода, а потому сам факт обращения к сложной для интерпретации «Эпиталаме», мастерское сохранение интерпретатором поэтического размера, знаменитой спенсеровой строфы позволяют говорить о выполненном им переводе как существенном вкладе в восприятие в России Спенсера в частности и английской поэзии эпохи королевы Елизаветы I в целом.

Ключевые слова: Э. Спенсер, эпиталама, английская поэзия, художественный перевод, литературная традиция, межкультурная коммуникация, русско-английские литературные связи.

Abstract. The article deals with the first translation of Edmund Spenser's famous poem «Epithalamia» (1595) piece by N. V. Gerbel in 1874. The authors suppose that an inadequate representation of rhythm, vocal and stylistic devices of «Epithalamia»'s author in Russian interpretation make it difficult to see the Spenser's creative innovation. But Gerbel's translation happened to be performed in such a period, when the theoretical basis of literary translation wasn't formulated. And the translation of difficult for interpretation «Epithalamia», excellent preservation of author's metre, well-known Spenserian stanza, allow it to consider Gerbel's interpretation as an important contribution into perception in Russia of Spenser particularly and English poetry of Queen Elizabeth I epoch in whole.

Key words: E. Spenser, epithalamia, English poetry, literary translation, literary tradition, intercultural communication, Russian-English literary connections.

Стихотворение Эдмунда Спенсера «Эпиталама» («Epithalamion» или «Epithalamium», 1595), воспринимающееся до настоящего времени в качестве одного из вершинных произведений английской поэзии эпохи королевы Елизаветы I, было написано английским автором специально по случаю собственной свадьбы с Элизабет Бойл и состояло из 365 длинных стихов, что соответствовало количеству дней в году, и 68 коротких стихов, в сумме означавших 52 недели, 12 месяцев и 4 времени года; 433 стиха были организова-

¹ Статья подготовлена по проекту НК-523(4)п «Проведение поисковых научно-исследовательских работ по направлению «Филологические науки и искусствознание», выполняемому в рамках мероприятия 1.3.2 «Проведение научных исследований целевыми аспирантами» мероприятия 1.3 «Проведение научных исследований молодыми учеными – кандидатами наук и целевыми аспирантами» направления 1 «Стимулирование закрепления молодежи в сфере науки, образования и высоких технологий» федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы» (госконтракт П142 от 14.04.2010 г.).

ны в 24 строфы, соответствовавшие дневным и сидерическим часам. В силу технической сложности стиха Спенсера полные переводы «Эпиталамы» на русский язык были выполнены только в XX в. [1, с. 39–44]; тем не менее в 1874 г. Н. В. Гербель впервые интерпретировал 5–7, 9–13 строфы спенсеровского произведения, озаглавив отрывок «Гимн любви».

Подобно французской «Плеяде», елизаветинцы ставили перед собой задачи защиты и прославления национального языка и создания великой национальной литературы. Воспринимая свое время как период небывалого расцвета Англии и укрепления ее политического могущества, воспитанный в традициях ренессансного гуманизма, на уважении к античной культуре и классическим языкам, Спенсер усматривал параллели между современностью и возвышением Римской империи в эпоху Августа. В его творчестве ориентация на древнеримскую литературу выразилась в адаптации и развитии классических жанров, одним из которых и является эпиталама (латинская форма греческого *epithalamion* от *epi* «на» и *thalamus* «брачная комната») – стихотворение, написанное специально для невесты на пути к браку. Эта форма была популярна в классической поэзии; известна знаменитая эпиталама римского поэта Катулла, которая была либо переводом, либо творческим переосмыслением мотивов утерянной эпиталамы Сафо.

Произведение Спенсера было наполнено многочисленными мифологическими образами, например, в начале пятой строфы «The Rosy Morn long since left Tithones bed, / <...> / And Phoebus gins to shew his glorious hed» [2, с. 192] [Заря давно покинула постель пифии, / <...> / И Феб поднимается показать свою славную голову], где упоминались и пифии (*pythones*) – жрицы-прорицательницы в храме Аполлона в Дельфах, в Древней Греции, и Феб (*Phoebus*) – имя Аполлона как бога Солнца. В раннем русском переводе, выполненном Гербелем, традиция оригинала оказалась нарушенной: пифии вообще не были названы, появилась характеристика зари как «царицы», а при описании Феба использовалась устаревшая книжно-поэтическая лексема «чело»: «...Уже заря-царица / Проснулась и идет... / <...> / И Феб свое чело вздымает над землей» [3, с. 23].

В шестой строфе, воссоздавая облик невесты, Гербель снова упоминал о заре, сравнивал взгляд невесты с первым лучом солнца («...очи / <...> / Сверкнули горячей, чем солнца первый луч» [3, с. 23]), хотя в оригинале блеск глаз девушки сближался со светом вечерней звезды (*Hesperus*): «...eyes... / <...> / More bright then Hesperus his head doth rege» [2, с. 193] [...глаза... / <...> / Ярче, чем вечерняя звезда, свою голову поднимает]. Эвфемизм «*Syrrian Queene*» («Киприда»), заменяющий менее приличное «распутница», Спенсер использовал по отношению к служанкам («And ye three handmaids of the Syrian Queene / <...> / Helpe to addorne my beautifullest bride» [2, с. 193] [И вы, три служанки Киприды, / <...> / Помогите украсить мою самую красивую невесту]), желая, чтобы они одели его невесту как Киприду. Гербель прибегал к этому сопоставлению дважды: сначала в полном соответствии с оригинальным текстом («Прислужницы-рабы пленительной Киприды, / Спешите: уж пора невесту одевать!» [3, с. 24]), а затем как обращение к служанкам с призывом воспеть юную невесту как Киприду («И, как богиню нег, Киприду воспевайте / Царицу дум моих...» [3, с. 24]). Отметим, что у Спенсера выражено желание, чтобы героиню воспевали как Венеру (*Venus* – Венера, утренняя звезда): «And, as ye use to Venus, to her sing»

[2, с. 193] [И, как вы привыкли Венере, ей пойте]. Упоминание Юпитера (Joves), верховного бога римлян, содержащееся в английском подлиннике, заменено переводчиком отсылкой к Олимпу – священной горе, на которой, в соответствии с древнегреческой мифологией, жили великие боги во главе с Зевсом: «But first come ye fayre houres, which we begot / In Joves sweet paradise of Day and Night» [2, с. 193] [Но вперед идите, вы, прекрасные часы, которые мы получили / В полном наслаждений раю Дня и Ночи Юпитера] – «Идите же скорей, прекрасные часы, / Решительницы благ времен текущих года, / Чья родина – Олимп...» [3, с. 23–24].

В пятой строфе при воссоздании пения птиц, помимо незначимой замены «жаворонка» («Larke») «чижом», ощутимо заметное упрощение переводчиком структуры предложений, уход от употребления прилагательных и наречий, характеризующих радость и сладкозвучие птичьих голосов: «The merry Larke hir mattins sings aloft; / <...> / ...the Ruddock warbles soft» [2, с. 192] [Веселый жаворонок свою утреннюю песню поет в небе; / <...> / Малиновка издает трели нежно] – «Малиновка поет; чиж вторит и звенит» [3, с. 23]. В силу избыточности для русского восприятия конкретных различий видов дроздов («Thrush» («дрозд»), «Mavis» («певчий дрозд») и «Ouzell» («черный дрозд»)) Гербель вполне оправданно упоминал о дрозде всего один раз и дополнял описание птичьего многоголосья воркованием голубей, традиционно ассоциирующихся в России с образом влюбленных: «The Thrush replies; the Mavis descant playes; / The Ouzell shrills...» [2, с. 192] [Дрозд откликается; Певчий дрозд играет трелями; / Черный дрозд пронзительно кричит...] – «Веселый черный дрозд пронзительно кричит; / Воркует голубок – подругу призывает – / И радостно ему голубка отвечает» [3, с. 23].

В «Эпиталаме» Спенсера, как, впрочем, и в его «Amoretti», любовный конфликт разрабатывается вопреки принципам петраркизма (неразделенная любовь поэта к мадонне), которым следовали авторы ранних елизаветинских секвенций. Если Ф. Сидни в своем сонетном цикле «Астрофил и Стелла» (1580) только восстал против петраркистского понимания любви, то Спенсер предложил принципиально новую философию любви, рассматривая ее как дар, в единстве ее духовной и плотской составляющих и полагая церковный брак непременным условием ее реализации. В 9-й, 10-й и 11-й строфах «Эпиталамы» авторское понимание единства физической и душевной красоты героини представлено наиболее ярко.

Вполне конкретные стихи девятой строфы о белоснежном платье невесты, уподобляющем ее ангелу («Clad all in white, that seemes a virgin best. / So well in her beseemes, that ye would weene / Some angell she had beene» [2, с. 194] [Облаченная вся в белое, что кажется самой непорочной. / Так ей подобает, что думается, / Ангел она должно быть]) невнятны в интерпретации Гербеля: «Одежды и струи упавшего на грудь, / И мрамор чудных плеч прозрачного покрова – / Все придает ей вид чего-то неземного» [3, с. 24–25]. Спенсеровское лестное сравнение волос героини с проволокой, использовавшейся в укладке женской прически в современное ему время («Her long loose yellow locks lyke golden wyre, / Sprinckled with perle, and perling flowres atweene, / Doe lyke a golden mantle her attyre» [2, с. 194] [Ее длинные распущенные желтые локоны как золотая проволока, / Осыпанная жемчугом и перламутровыми цветами, / Как золотое покрывало ее облачает]), Гербель не воспроизводит, перенося акцент на густоту волос: «Роскошная волна кудрей

ее густых, / Подобно бахrome из нитей золотых, / Сбегая по плечам потоком небывалым, / Ей служит золотым и легким покрывалом» [3, с. 25]. Венок, служащий в подлиннике средством уподобления невесты королеве («And, being crowned with a girland greene, / Seeme lyke some mayden Queene» [2, с. 194] [И, увенчанная зеленым венком, / Кажется подобной девственной Королеве]), в русском переводе лишен этой значимой для Спенсера функции: «Венок, как ореол, сияет на челе» [3, с. 25].

Восхищение невестой, усиленное Спенсером в начале десятой строфы посредством многократного повтора лексемы «so» («такое»), оттеняющей художественный образ («So fayre a creature... / So sweet, so lovely, and so mild...» [2, с. 194] [Такое прекрасное создание... / Такое милое, такое красивое и такое кроткое]), выражено у Гербеля не столь ярко, причем характерный повтор утрачен, а прилагательные употреблены в сравнительной степени: «...красавицу добрее, / Прекрасней и нежней...» [3, с. 25]. Спенсер заключает описание внешней красоты героини в семь анафорических стихов, начинающихся местоимением «ее» («her»), после чего подходит к яркому выводу, предваряя вновь повторяющееся местоимение словами «и все» («and all»): «Her goodly eyes lyke Saphyres shining bright, / Her forehead yvory white, / Her cheekes lyke apples which the sun hath rudded, / Her lips lyke cheryes charming men to byte, / Her breast like to a bowle of creame uncrudded, / Her paps lyke lyllies budded, / Her snowie necke lyke to a marble towre; / And all her body like a pallace fayre» [2, с. 194] [Ее прекрасные глаза как Сапфиры сияют ярко, / Ее чело – белая слоновая кость, / Ее щеки как яблоки, которые солнце подрумянило, / Ее губы как вишни, влекущие мужчин вкусить, / Ее грудь как чаша со сливками нетронутыми, / Ее соски как лилии в бутонах, / Ее белоснежная шея как мраморная колонна; / И все ее тело как дворец прекрасный]; практически во всех стихах (за исключением одного короткого) также повторен предлог «как, подобно» («like / lyke») сравнительной конструкции. В переводе Гербеля данный фрагмент сокращен более чем вдвое (до четырех стихов), причем в полной мере сохранен смысл только первого стиха («Чьи светлые глаза блистают, как сапфиры» [3, с. 25]); в последующем тексте лоб сравнивается по своей белизне не со слоновой костью, а со снегом («Чело – белей снегов...» [3, с. 25]), далее опускается авторский эпитет «белоснежная» («snowie») при описании шеи, добавлено сопоставление голоса с музыкой («...а голос – звуки лиры» [3, с. 25]). Спенсеровское сравнение щек с подрумяненными солнцем яблоками Гербель заменяет в своем стихе схожей метафорой – «И яблоком горит румяная щека» [3, с. 25], – но при этом предлагает иное расположение данного стиха, ставя его после описания губ, сопоставляемых не с вишнями, а с лепестками, и грудей, откровенное сравнение которых с «чашей со сливками» заменено скромным эпитетом: «Чьи губки – лепестки, чья грудь так высока» [3, с. 25]. Как видим, в гербелевской интерпретации, помимо всего прочего, отсутствовала анафора и наблюдалось членение авторских развернутых предложений.

В одиннадцатой строфе восхищение душевными качествами героини достигает экспрессии за счет использования автором эпитетов, подчеркивающих достоинства невесты: «The inward beauty of her lively spright / <...> / There dwels sweet love, and constant chastity, / Unspotted fayth, and comely womanhood, / Regard of honour, and mild modesty» [2, с. 195] [Внутренняя красота ее живой души / <...> / Там обитают милосердная любовь и постоянное це-

ломудрие, / Незапятнанная вера и пристойная женственность, / Забота о чести и кроткая благопристойность]. Гербель значительно опростил оригинальный текст, опустив практически все эпитеты, и в целом сократил его до обыкновенного перечисления: «...тайник души ее прекрасной, / <...> / В душе ее живут невинность, безмятежность, / Любовь, стыдливость, честь и женственная нежность» [3, с. 25].

К описанию монархической абсолютной власти добродетели, полностью соответствующему гражданским убеждениям Спенсера, считавшего своим долгом воспевать английское государство и монархию, Гербель посредством лексемы «суд» добавил сугубо юридический аспект справедливости власти, отчасти реализующий вечную веру русского народа в «доброе, справедливого царя»: «There vertue raynes as Queene in royal throne, / And giveth lawes alone, / The which the base affections doe obey, / And yeeld theyr services unto her will» [2, с. 195] [Там добродетель правит, как Королева на монаршем троне, / И издает законы единолично, / Которым низменные страсти повинуются / И несут свою службу согласно ее воле] – «Там добродетель трон воздвигла – и царит, / И правый суд одна – безвинная – творит, / Перед которым в прах главу свою склоняет / Страстей земных собор и в ужасе смолкает» [3, с. 25].

Основным размером произведений Спенсера является ямбический пентаметр в его силлабо-тоническом варианте, утвердившемся в английской поэзии благодаря Дж. Чосеру и первым петраркистам, в его комбинировании с ямбическими стихами иной длины. Благозвучие четких ямбов поддерживается четкой системой богатых рифм и частой аллитерацией, своеобразной данью поэта национальным традициям стихосложения. Так, начало двенадцатой строфы «Эпиталамы» («*Open the temple gates unto my love, / Open them wide that she may enter in, / And all the postes adorne as doth behove, / And all the pillours deck with girlands trim*» [2, с. 195] [Откройте ворота храма моей любви, / Откройте их широко, чтобы она могла войти, / И все столбы украшены как должно, / И все колонны наряжены гирляндами]) характеризуется единоначатием в сочетании с аллитерацией [ˈoʊp(ə)n də ˈtempəl] – [ˈoʊp(ə)n dem] и [ænd ˈo:l də ˈproustəz] – [ænd ˈo:l də ˈpɪləz]. Гербель, который использовал при переводе шестистопник, прибегал к самым разнообразным фигурам речи и приемам (восклицательные предложения, инверсия, отчетливые паузы в первом стихе), но не к аллитерации («Пора! Откройте храм, раздайтесь, дайте место, / Чтоб в сен его могла войти моя невеста! / Пускай гирлянды роз, струей сбегая вниз, / Спиралью обовьют колонны и карниз» [3, с. 26]), а в самом конце строфы неожиданно предложил читателям анафорический повтор лексемы «пускай», которого нет в оригинальном тексте (ср.: «And let the roing Organs loudly play / The praises of the Lord in lively notes; / The whiles, with hollow throates, / The Choristers the joyous Antheme sing» [2, с. 195] [Пускай гремящий Орган громко играет / Хвалы Господу радостными нотами; / А глубоким гортанным голосом / Певчие радостный Гимн поют] – «Пускай орган хвалой Всевышнему гремит, / Пускай священный гимн таинственно звучит» [3, с. 26]).

Спенсеровский повтор заключительного стиха каждой строфы («That all the woods them answer, and theyr eccho ring» [Что все леса им отвечают, и их эхо звенит]; «The whiles the woods shal answer, and your eccho ring» [А все леса ответят, и ваше эхо зазвенит]; «That all the woods shal answer, and theyr

eccho ring» [Что все леса ответят, и их эхо зазвенит]; «That all the woods may answer, and your eccho ring» [Что все леса смогут ответить, и ваше эхо зазвенит]; «To which the woods did answer, and your eccho ring?» [Которому все леса отвечали, и ваше эхо звенело?]; «That al the woods should answer, and your eccho ring» [Чтобы все леса отвечали, и ваше эхо звенело]; «That al the woods may answer, and their eccho ring» [Что все леса смогут ответить, и их эхо зазвенит]; «That all the woods may answer, and your eccho ring» [Что все леса смогут ответить, и ваше эхо зазвенит]) отчетливо реализован Гербелем («И вторит лес ему, и эхо отвечает»; «И лес ответит вам, и эхо прозвучит»; «И лес ответит мне, и эхо прозвучит»; «И вторит лес ему, и эхо отвечает»; «И лес не вторит ей, и эхо не звучит?»; «И эхо гор, и лес ответили бы вам!»; «И вторит эхо им, и лес им отвечает!»; «И лес ответит вам, и эхо прозвучит!»), однако постоянная рифма последнего стиха с лексемой «sing» в конце предшествующего стиха («sing – ring» [siŋ] – [riŋ]) не нашла отражения в русской интерпретации, где концовки стихов разнообразны: «воспевает – отвечает», «живит – звучит», «огласит – прозвучит», «воспевает – отвечает», «молчит – не звучит», «небесам – вам», «наполняет – отвечает», «огласит – прозвучит».

Гербель разрушил выверенную структуру спенсеровского произведения – если в оригинале строфа содержала 18–19 стихов, то в переводе количество стихов строфы варьировалось от 12 до 20, причем в целом фрагмент был сокращен на 13 стихов, не считая пропуска восьмой строфы. Создав в «Эпиталаме» своеобразный памятник одному дню своей жизни, Спенсер постарался передать субъективный характер восприятия хода времени женихом, открыв принцип неравномерности художественного времени. И хотя, к сожалению, переведенный Гербелем отрывок не отражает всего этого, однако он имеет определенную целостность, обладает некоторой законченностью. Неполноценное отображение ритмико-звуковых и художественно-образительных приемов автора «Эпиталамы» в русской интерпретации не позволяет увидеть новаторство Спенсера в его экспериментах с заимствованиями из творений Сафо и Катулла, Данте и Ф. Петрарки, Дж. Чосера и Ф. Сидни. Тем не менее Гербелю как переводчику нельзя не отдать должное, ибо он первым в эпоху, когда не были сформулированы теоретические основы художественного перевода, обратился к трудному для понимания творчеству Спенсера [4, с. 17–24; 5, с. 4], сложнейшей для интерпретации «Эпиталаме», предложил русским читателям ее оригинальное прочтение.

Список литературы

1. **Бурова, И. И.** Русские переводы «Amoretti и Эпиталамы» Эдмунда Спенсера: аналитический обзор (1875–1999) / И. И. Бурова // Материалы II Международной конференции по переводоведению «Федоровские чтения». – СПб. : СПбГУ, 2001. – С. 39–44.
2. The Oxford Book of English Verse: 1250–1900 / composed by A. Quiller-Couch. – Oxford, 1919.
3. **Гербель, Н. В.** Полное собрание стихотворений : в 2 т. / Н. В. Гербель. – СПб. : Тип. В. Безобразова, 1882. – Т. 2. – 341 с.
4. **Бурова, И. И.** Оценки творчества Э. Спенсера в английской и русской критике / И. И. Бурова // Взаимосвязи и взаимовлияние русской и европей-

ских литератур : материалы международной научной конференции / отв. ред. Л. В. Сидорченко. – СПб. : СПбГУ, 1999. – С. 17–24.

5. **Бурова, И. И.** «Малые поэмы» Эдмунда Спенсера в контексте художественных исканий елизаветинской эпохи : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Бурова И. И. – СПб. : СПбГУ, 2008. – 46 с.

Жаткин Дмитрий Николаевич

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой перевода и переводоведения, Пензенская государственная технологическая академия, академик Международной академии наук педагогического образования, член Союза писателей России, член Союза журналистов России

E-mail: ivb40@yandex.ru

Zhatkin Dmitry Nikolaevich

Doctor of philological sciences, professor, head of sub-department of interpretation and translation science, Penza State Technological Academy, fellow of the International Academy of sciences of the pedagogical education, Russian Writers' Union member, Russian Journalists' Union member

Тэн-Чагай Наталья Юрьевна

преподаватель, кафедра перевода и переводоведения, Пензенская государственная технологическая академия

E-mail: orlik87@yandex.ru

Tan-Chagay Natalya Uryevna

Lecturer, sub-department of translation and interpretation science, Penza State Technological Academy

УДК 820

Жаткин, Д. Н.

Художественное осмысление Н. В. Гербелем фрагмента «Эпиталамы» Эдмунда Спенсера / Д. Н. Жаткин, Н. Ю. Тэн-Чагай // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2011. – № 3 (19). – С. 84–90.